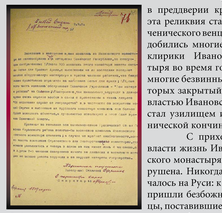
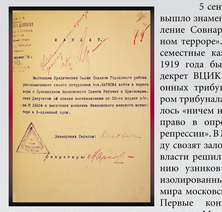
Ивановский монастырь оставался в сакральной топографии Москвы главным престолом св. Иоанна Предтечи. На рубеже столетий в нем появляется новый обычай, связанный с почитанием Крестителя Господня. Паломники начинали свое путешествие к кремлевским святыням с посещения Ивановского женского монастыря, где в часовне обители им надевали металлический обруч на головы в память Усекновения главы святого Иоанна Крестителя. Этот медный обруч уцелел. Судя по всему, типологически он подобен таким реликвиям как мера св. Гроба Господня, или более поздним, — как мера стопы Пресвятой Богородицы из Почаева. Видимо, этот обруч являлся мерой Главы св. Иоанна Предтечи. Появившись в преддверии кровавой смуты, эта реликвия стала образом мучеического венца, которого способились многие насельницы и клирики Ивановского монастыря во время гонений, а также многие безвинные люди, для которых закрытый богоборческой властью Ивановский монастырь стал узилищем и местом мучеической кончины.

Пресвятая Богородица. Деисусный ряд иконостаса соборной церкви Ивановского монастыря. Икона XVI века. Национальный музей в Стокгольме

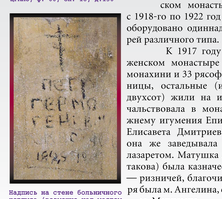
Храм Христа Спасителя после взрыва. Фотография 1931-1932 гг.



Сообщение Особого отдела ВЧК о принудительной отправке населения монастыря в концлагерь, «поскольку в монастыре, в интересах Советской Республики заняты шитьём белья для Красной армии и обслуживают советское учреждение «Дом матери и ребенка» на Сокольнике...». 1919 год. ГЦМДМ, ф. 66, оп. 18, д.136



Мандат Совета рабочих депутатов Городского района г. Москвы о заселении монастыря. Ивановского монастыря в 3-дневный срок. 1919 год. ГЦМДМ, ф. 66, оп. 18, д.136



Надпись на стене больничного корпуса (возможно над местом захоронения схимонаха о. Петра Скворцова)

Ивановский монастырь был закрыт одним из первых в Москве. Все банковские счета его были ликвидированы, арендные помещения, принесшие доход, конфискованы в пользу государства, лазарет закрыт, подлежащий второму выселению монахинь. От заключенных Ивановской тюрьмы в Политический Красный Крест приходило множество писем-ходатайств от дворян, царских офицеров, томящихся в тюрьме, а также привезенных сюда «пропитанцев» — участников кронштадтского восстания. Жизнь этих людей по большей части закончилась трагически.

23 апреля 1919 года был заключен договор с общиной верующих, состоявшей из сестер и прихожан монастыря (всего 560 человек), о передаче им «в бессрочное пользование» двух храмов: соборного храма Св. Иоанна Предтечи и больничной Елисаветинской церкви. Прошло всего полтора месяца, как опять встал вопрос о выселении; монастырь передавался в распоряжение отдела принудительных работ ГЕКВД.

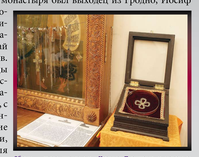
В голодный 1919 год в стенах монастыря умер 90-летний священник Петр Скворцов. Возможно, обстоятельство военного времени не позволили похоронить его на городском кладбище, и старца погребли на территории монастыря — в узком проходе между Больничным корпусом и монастырской стеной. От того времени осталась полустершаяся надпись на стене здания: ПЕТР ГЕРМОГЕНОВИЧ СКВОРЦОВ. 1829—1919.

Ивановские сестры часто бывали в храме Св. Николая Чудотворца на Маросейке, до которого минут двадцать ходу, чтобы посетить замечательного московского старца (ныне святого праведного) о. Алексия Мечева. Игумения Епифания часто бывала у Батюшки со своими скорбями. Старец Алексий умер в 1923 году, оставив безутешными сиротами своих многочисленных чад.

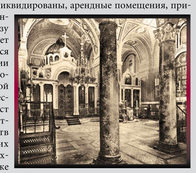
В 1919 году по соседству с концлагерем было совершено патриаршее богослужение. Святитель Патриарх Тихон возглавил Божественную литургию в многострадальном Ивановско-Предтеченском монастыре.

Монастырь жил на средства от шитья военного обмундирования и небольшими поставками продуктов с хутора Черноцово близ станции Марк. Хуторские больница и школа были закрыты сразу же после революции. С прекращением гражданской войны окончилась работа ивановских сестер по пошиву белья и военного обмундирования. Теперь они существовали только на доход, приносимый двумя действующими храмами, да стеганьем одеял частным лицам. К этому времени из прежних насельниц осталось 110 человек. Сестры жили в страшной тесноте, многие — прямо в коридорах и на лестничных площадках, имущество находилось во дворе под дождем и снегом. Изъятие церковных ценностей 1922 года, не миновало и Ивановский монастырь. Шестнадцать комнат, в которых проживали сестры, не давали покоя самым разным учреждениям Москвы, которые требовали выселения «лиц монашествующего звания». Предлагались варианты размещения монахинь по подмосковным монастырям. Уже после решения о переселении монахинь от 21 сентября 1926 года появляются еще два претендента на основождавшихся храма. В результате ожесточенных споров Иоанно-Предтеченский собор передается в Троицкому архиву, а Елисаветинская церковь — под клуб Ивановского исправдому.

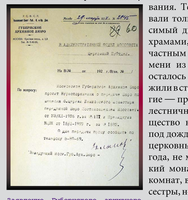
Святейший Патриарх Тихон (Беллавин)



Обруч – мера главы св. Иоанна Предтечи в часовне Ивановского монастыря. Фотография 2006 года



Собор Ивановского монастыря. Вид на иконостас. Фотография кон. XIX века



Протомерей Иосиф Вурипович, священник Ивановского монастыря. Фотография кон. XIX века

Иконостас больничной церкви прп. Елисаветы Чудотворицы. Фотография начала XX века

Заявление Губернского архивного бюро о необходимости передачи ему помещения соборной церкви бывшего Ивановского монастыря. 1927 год. ЦГАМО, ф. 66, оп. 18, д. 334

Прошение общины бывшего Ивановского монастыря о разрешении захоронить гроб с останками схимонахини Марфы на Ваганьковском кладбище. ЦГАМО, ф.66, оп.18, д.334

Фрагмент списи богослужебных предметов Ивановского монастыря, составленной во время кампании по изъятию церковных ценностей. 25 апреля 1922 года. ЦГАМО, ф. 66, оп. 18, д.334

Схимархимандрит Иларион (Удодов)

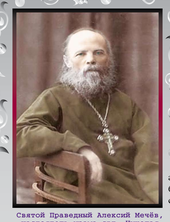
Святые новомученики и исповедники Российские

Русь ликующая. Худ. П.Д. Корин. 1935-1959 гг. (На первом плане изображена схимонахини Ивановского монастыря Серафима).

Фрагмент заявления Главного управления местами заключения НКВД о необходимости передачи под нужды Исправдома малой церкви бывшего Ивановского монастыря, находящейся в ведении церковной общины. 15 февраля 1927 года. ЦГАМО, ф. 66, оп. 18, д.334

Вход в экспериментально-показательное отделение при Государственном институте по изучению преступности и преступника. 1931год. ГИМ ИЗО

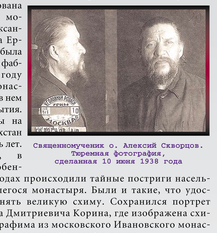
Панихида на могиле последней игумении Епифании. 2004 год



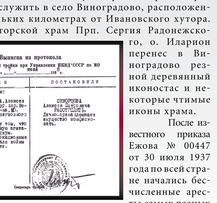
Святой Праведный Алексий Мечёв, настоятель храма свт. Николая на Кирсе

Бутырская тюрьма в Москве

Монахиня Ивановского монастыря Елизавета Николаевна Сизова. Тюремная фотография 1931 года



Священномученик о. Алексий Скворцов. Тюремная фотография, сделанная 10 июня 1938 года

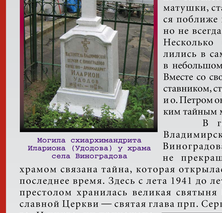


Приговор о расстреле священномученика о. Алексия Скворцова. 1938 год

Святой Иоанн Предтеча. Деисусный ряд иконостаса соборной церкви Ивановского монастыря. Икона XVI века. Национальный музей в Стокгольме

Церковь Владимирской иконы Пресвятой Богородицы в селе Виноградове на Долгом пруде

Могила схиархимандрита Илариона (Удодова) у храма села Виноградова

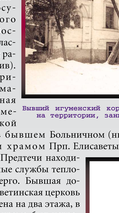


Могила протоиерея Владимира Жаворонкова у храма села Виноградова

Колокольня Ивановского монастыря. Фотография начала 1990-х годов

Икона прп. Сергия Радонежского, принадлежала схиархимандриту Илариону (Удодову). ЦАК МДА

Полуразрушенная церковь прп. Сергия Радонежского на хуторе Ивановского монастыря. Фотография 2000 года



Бывший игуменский корпус, позднее типография на территории, занимаемой МВД. 2004 год

Храмовый образ св. Иоанна Предтечи и чудотворный обруч из монастырской часовни.

Большинство ивановских монахинь переселились в еще не закрывшиеся монастыри. Некоторые разъехались по родным, другие устроились в Москве на частных квартирах или при храмах, неподалеку от своего монастыря, в котором они прожили по 20-30 и более лет: на Соляном, Таганке, Покровке, Яузе, Лубянке. Часть ивановских монахинь переселилась на монастырский хутор. Хутор Чернецово подчинялся монастырю и его настоятельнице игумении Епифании, но она всегда находилась в Москве и приезжала лишь на время проверить дела управления хуторским хозяйством. До революции игумения Епифания учредила при Ивановском хуторе школу для крестьянских девочек. Девочки получали монастырское воспитание и по окончании школы, как правило, становились насельницами монастыря. После выхода декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви приходскую школу, закрыли. На хуторе проживало около шестидесяти человек. До 1923 года на хуторе жили по монастырскому уставу, затем церковь, согласно указанию НКВД получила статус обычного приходского храма. В 1927—1928 годах сестры еще обеспечивали себя всем необходимым: имели коров, лошадей, обрабатывали свои угодья, запасались на зиму грибами и ягодами. Но в 1929 году хуторское хозяйство было «национализировано», земля перешла в пользование местного колхоза. Сорок три монахини оказались в трех комнатах ветхого деревянного здания бывшей приходской школы. Жить было практически негде и нечем. Монахини вынуждены были ходить по окрестным деревням: полоти огороды, копали картошку у крестьян, отправлялись на поденные работы в Москву.

Сестры Ивановского монастыря были строгими последовательницами Тихоновской Церкви. Находясь без надлежащей духовной опеки, сестры чувствовали непоколебимость своей монашеской жизни и нуждались в духовном ке. Одна из сестер, послушница Елена Черенкова, ездившая на поденные работы в Москву, познакомилась в Сретенском монастыре с отцом Иларионом. Отец Иларион (в миру Иоаким Хрисанфович Удодов) родился в 1865 году. Он был постриженником Пантелеимонова русского монастыря на Старом Афоне, затем жил в Златоустенском скиту. По просьбе хуторских сестер он стал их духовником, поселился на хуторе и служил в храме Прп. Сергия Радонежского до его закрытия.

12 января 1931 года сестры понесли тяжелую потерю. Умерла последняя настоятельница Ивановского монастыря игумения Епифания, руководившая им с 1907 года. Отец Иларион с сестрами похоронил ее на монастырском кладбище вблизи хутора. На месте кладбища теперь лес. Но на краю леса каким-то чудом сохранились три могилки, и одна из них — могила игумении Епифании. О. Иларион скоропил игуменский посох вместе с игумнией. Она не дожила, к счастью, до арестов сестер. Господь, отпустивший игумении Епифании долгие годы жизни, избавил ее от этих страданий.

В последние годы существования монастырского хутора старшей монахиней и руководительницей хозяйства была назначена бывшая казначея монастыря м. Артемия (в миру Анна Григорьевна Шестакова), ее помощницей — м. Анатолия (Русанова). В январе 1931 года хуторские монахини и послушницы были поражены ужасным известием. В новогоднюю ночь по всей Москве было арестовано множество «церковников». Из ивановских сестер арестовали 15 человек. Всех поместили в Бутырскую тюрьму. Отвесты монахинь на допросах поражают единомыслием: «Всякая власть от Бога», «плохо только, что власть ведет борьбу с религией», «думаю, что может быть еще хуже». Матушка Евдокия (Смирнова) в сердцах говорит: «До революции жилось хорошо, нуждаться ни в чем не приходилось, но когда возникла советская власть, все монастырские владения были отобраны, и все были обречены на гибель». Сестры Российские говорят следовательо о своем убеждении, что только усердной молитвой можно было «национализированно», земля перешла в пользование местного колхоза. Сорок три монахини оказались в трех комнатах ветхого деревянного здания бывшей приходской школы. Жить было практически негде и нечем. Монахини вынуждены были ходить по окрестным деревням: полоти огороды, копали картошку у крестьян, отправлялись на поденные работы в Москву.

Не успели на Ивановском хуторе пережить московские аресты, как Господь послал сестрам новые испытания. Монашеская артель была обложена непосильным налогом в 6 тысяч рублей. Ценой неимоверных усилий необходимая сумма была собрана в 3-дневный срок. Но хозяйство было подорвано. С тех пор монахини жили на случайные заработки и подаяния. Крестьяне, по большей части, сочувствовали монахини и давали им немного хлеба, яичек, что-нибудь из одежды, но некоторые некрепкие души уже проникла официальная антирелигиозная пропаганда. С 20 на 21 мая 1931 года по доносу были арестованы все до единой монахини и послушницы Ивановского хутора. Всем предъявлялось обвинение в антисоветской агитации среди крестьян, пропаганде против коллективизации сельского хозяйства. Ни одна из обвиняемых не признала себя виновной. 28-го июня 1931 года 31 монахиня была осуждена на работы в исправительно-трудовых лагерях сроком от трех до пяти лет, с высылкой в Казахстан.

Отца Илариона, не арестовали, и он сокрушался: «Лучше бы их оставили, а меня одного взяли». Отец Иларион поселился в колокольне храма Прп. Сергия Радонежского. В ночь с 15 на 16 апреля 1932 года в Москве было арестовано около ста священно- и церковнослужителей: в их числе был младший брат архимандрита Илариона диакон Петр (Удодов), служивший в храме Сорока Мучеников (напротив Новоспасского монастыря). Вместе с о. Петром арестовали ивановских сестер м. Екатерину и м. Елисавету Николаевых и послушницу Александру Ермилову. Отец Петр и матушки были доставлены в Бутырскую тюрьму. Тогда же была арестована в своей комнатке под колокольней церкви Сорока Мучеников м. Олимпиада (в миру Параскева Львовна Бесфамильная), которой было уже в то время 70 лет. Решением Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 10 мая 1932 года арестованных освободили из-под стражи, с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года.

25 декабря 1931 года арестовали Елизавету Николаевну Сизову. Она жила в Москве на улице Воровского (ныне Поварская) и была казначеей церкви Симеона Столпника. Она пришла в стены Ивановского монастыря 25 лет — с 1901-го по 1926 год, имела диплом фельдшерицы и была в монастыре сестрой милосердия. На допросе она отвечала, что закрытие монастыря, по ее мнению, было для нее большим горем. Вероятно, в 1920-х и особенно в 1930-х годах происходили тайные постриги насельниц закрывшегося монастыря. Были и такие, что удостоились принять великую схиму. Сохранился портрет работы Павла Дмитриевича Корина, где изображена схимонахиня Серафима из московского Ивановского монастыря с крестом и горящей свечой в руках.

В 1932-м или 1933 году схиархимандрит Иларион перешел служить в селе Виноградово, расположенное в нескольких километрах от Ивановского хутора. Покидая хуторской храм Прп. Сергия Радонежского, о. Иларион перенес в Виноградово резной деревянный иконостас и некоторые чтимые иконы храма.

После известного приказа Ежова № 00447 от 30 июля 1937 года по всей стране начались бесчисленные аресты самых разных категорий людей: дворян, крестьян, домохозяек, министров, генералов, «церковников». Арестовывали тех, кто ранее уже имел судимость. Так, повторно был арестован священник Ивановского монастыря Алексий Скворцов; содержался в Бутырской тюрьме. Как «руководитель группировки церковников» он был осужден на пять лет исправительно-трудовых лагерей и отправлен в Казахстан. Проведя около пяти лет в ссылке, о. Алексий вернулся в деревню Загорново Раменского района, но прожил на свободе недолго. Его вновь арестовали в 1938 году. 7 июня 1938 года о. Алексий был приговорен к высшей мере наказания и 4 июля 1938 года расстрелян под Москвой, на Бутовском полигоне НКВД. Теперь известно, что в числе 20761 человека, расстрелянных за 14 месяцев в 1937-м и 1938 годах на Бутовском полигоне, около тысячи пострадали за веру. Венец мученической смерти разделил с ними священник московского Иоанно-Предтеченского монастыря Алексий Скворцов. Из другого следственного дела стало известно, что в 1932 году был арестован и второй священник Ивановского монастыря — о. Иосиф Будилович. В числе одиннадцати священнослужителей он был арестован на Ваганьковском кладбище в Москве, где иногда служил панихиды.

С 1936 года настоятелем Владимирского храма в селе Виноградове на Долгом Пруде был назначен схиархимандрит Иларион (Удодов). По воспоминаниям пятилетнего сына Ивановского монастыря Алексия Ивановича Ермилова. Она была рабочей на фабрике, а в 1937 году пришла в монастырь и жила в нем до его закрытия. Обе осуждены на ссылку в Казахстан сроком на пять лет